
**НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ:
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Научный журнал | Издаётся с 2010 года
Периодичность выхода: 1 раз в месяц

Журнал «Научное обозрение: гуманитарные исследования» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ
Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) – 0,372

№ 2, 2016

И. о. главного редактора:
Сергеев Н. К.,
д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. РАО

Редакционная коллегия:

Александрова Е. А., д. п. н., проф. (зам. гл. ред.)
Араева Л. А., д. фил. н., проф.
Балашова Л. В., д. фил. н., проф.
Белых Т. В., д. псих. н.
Буранок О. М., д. фил. н., проф.
Валева Р. А., д. п. н., проф.,
Заслуженный деятель науки РФ
Вишнякова О. Д., д. фил. н., проф.
Голованов В. П., д. п. н., проф.
Голубков С. А., д. фил. н., проф.
Гольдин В. Е., д. фил. н., проф.
Гришаева Е. Б., д. фил. н., проф.
Дементьев В. В., д. фил. н., проф.
Демешкина Т. А., д. фил. н., проф.
Дизер Е., д. фил. н., проф. (Вюрцбург, Германия)
Егоров Б. Ф., д. фил. н., проф.
Елина Е. А., д. фил. н., проф.
Илюхина Н. А., д. фил. н., проф.
Карасик В. И., д. фил. н., проф.
Клоков В. Т., д. фил. н., проф.
Крючков В. П., д. фил. н., проф.
Крючкова О. Ю., д. фил. н., проф. (зам. гл. ред.)
Моисеева С. А., д. фил. н., проф.
Оя Он, профессор (Саппоро, Япония)
Пахолок З. А., к. фил. н.
Прохорова О. Н., д. фил. н., проф.
Рымарь Н. Т., д. фил. н., проф.
Сериков В. В., д. п. н., проф. чл.-корр. РАО,
Заслуженный деятель науки РФ
Сиротинина О. Б., д. фил. н., проф.,
Заслуженный деятель науки РФ
Стернин И. А., д. фил. н., проф.,
Заслуженный деятель науки РФ
Хижняк С. П., д. фил. н., проф.
Шамионов Р. М., д. псих. н., проф.

Редакторы:

Савченко С. А., Боякова О. М.
Корректор: **Борцова М. Е.**
Компьютерная верстка: **Владимирова О. В.**

Адреса редакции:
г. Москва, Ленинский пр-т, 30
г. Саратов, пр-т Энтузиастов, 43

Адреса для почтовой связи:
115551, г. Москва, а/я 66
410039, г. Саратов, а/я 160

www.sced.ru, e-mail: info@sced.ru

Тел.: (495) 666-29-30; (845-2) 921-9011

Учредитель: ЗАО «АЛКОР»
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-49017.
Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

© «Научное обозрение:
гуманитарные исследования», 2016

**SCIENCE REVIEW:
HUMANITIES RESEARCH**

Scientific journal | It is published since 2010
Published once: every month

“Science Review: Humanities Research” journal is
among the leading scientific journals reviewed by
the Higher Attestation Commission

RSCI impact factor (five-year) – 0,372

№ 2, 2016

Acting Editor-in-Chief:
Sergeev N. K.,
Dr. Sci. (Ped.), Professor, corr. memb. of RAE

Editorial board:

Aleksandrova E. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof.
(Deputy Editor-in-Chief)
Araeva L. A., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Balashova L. V., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Belykh T. V., Dr. Sci. (Psych.)
Buranok O. M., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Valeeva R. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof.,
honored science worker of RF
Vishnyakova O. D., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Golovanov V. P., Dr. Sci. (Ped.), Prof.
Golubkov S. A., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Goldin V. E., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Grishaeva E. B., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Dementiev V. V., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Demeshkina T. A., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Dizer E., Dr. Sci. (Phil.), Prof. (Würzburg, Germany)
Egorov B. F., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Elina E. A., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Ilyukhina N. A., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Karasik V. I., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Klokov V. T., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Kryuchkov V. P., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Kryuchkova O. Y., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
(Deputy Editor-in-Chief)
Moiseeva S. A., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Oya On, Prof. (Sapporo, Japan)
Pakholok Z. A., Cand. Sci. (Phil.)
Prokhorova O. N., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Rymar N. T., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Serikov V. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., corr. memb.
of RAE, honored science worker of the RF
Sirotnina O. B., Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
honored science worker of RF
Sternin I. A., Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
honored science worker of RF
Khizhnyak S. P., Dr. Sci. (Phil.), Prof.
Shamionov R. M., Dr. Sci. (Psych.), Prof.

Editors:

Savchenko S. A., Boyakova O. M.
The proof-reader: **Bortsova M. E.**
Computer make-up: **Vladimirova O. V.**

Addresses of the editorial office:
Russia, Moscow, Leninskiy prospect, 30
Russia, Saratov, prospect Entuziastov, 43

Addresses for the mail service:
Russia, 115551, Moscow, p/o/b 66
Russia, 410039, Saratov, p/o/b 160

www.sced.ru, e-mail: info@sced.ru

Тел.: (495) 666-29-30; (845-2) 921-9011

Founder: “ALKOR” CJSC
Registration certificate PI № FS77-49017.
The journal is included in the database of
the Russian Science Citation Index (RSCI)

© «Science Review: Humanities Research», 2016

**РЕЦЕНЗИЯ НА «ОБЛОМОВА»,
НЕ НАПИСАННАЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ***А. Г. ГРОДЕЦКАЯ**ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье исследуется критическая реакция Н. Г. Чернышевского на роман Гончарова. Феномен «ненаписанной рецензии» находит разъяснение в нескольких текстах, полемически развернутых относительно «Обломова» и его автора. Среди них – рецензия на «Собрание чудес...» Н. Готорна (1860), включающая фрагменты, пародирующие ряд мотивов и сюжетных ситуаций романа Гончарова, и повесть «История одной девушки» (1871), в которой развернут возможный диалог Добролюбова и Гончарова, затрагивающая малоизвестные аспекты личной и общественной репутации романиста. Наконец, это роман «Что делать?» с целым рядом аллюзий на гончаровский роман. Материал статьи демонстрирует, что неосуществленный критический замысел был в значительной степени реализован Чернышевским в романе. Специфика его «рецензирования» «Обломова» представлена в сложном комплексе идейно-эстетических и репутационно-психологических составляющих.

Ключевые слова: русская литература XIX в., критика, Гончаров, «Обломов», Чернышевский, «Что делать?», «История одной девушки».

Тему «Гончаров и Чернышевский» трудно назвать популярной. В работах советского времени речь шла главным образом об «узости кругозора» Штольца, не позволившей ему указать Ольге Ильинской должный выход из ее душевных сомнений, тот выход, который «мог быть найден только на почве общественно-полезного служения» и который был указан Чернышевским в «Что делать?» [11, с. 557–558]. В последующие годы по понятным причинам не столько угас интерес к Чернышевскому, сколько радикально изменилась оценка его роли в общественно-литературном процессе, и не Чернышевский предстает теперь критиком Гончарова, но Гончаров – оппонентом революционного демократа и его прогрессистских идей [8]. Между тем у названной темы есть малоисследованные и достаточно неожиданные аспекты,

актуальные для истории восприятия гончаровского романа.

Когда встает вопрос об оценке Чернышевским романа «Обломов», как правило, цитируется его единственное высказывание, которое сводится к констатации, что Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал» [14, т. 13, с. 872]. Однако где, когда, в каком контексте прозвучал этот приговор, обычно не уточняют [6, с. 322; 9, с. 150; 10, с. 215; 12, с. 5]. И похоже, что умолчания не случайны, так как обращение к тексту, из которого заимствуется цитата, обнаруживает и еще целый ряд высказываний критика, столь же вызывающе резких, во-первых, и провоцирующих многочисленные вопросы, нуждающиеся в комментариях, во-вторых.

В «Автобиографии», над которой Чернышевский, уже окончив «Что делать?», работал в Петропавловской

крепости летом 1863 г., он признался не только в «восхищении» при чтении «Обыкновенной истории», но и в том, что это чтение заставило его пересмотреть прежние литературные пристрастия: «Я читал с восхищением “Монастырку” Погорельского; она показалась мне очень скучновата и плоховата, когда потом попала в руки около того времени, как я восхищался “Обыкновенною историею”...». Однако за этим признанием следует запись совсем иного рода: «...я до сих пор прочел полторы из четырех частей “Обломова” и не полагаю, чтобы прочитал когда-нибудь остальные две с половиною, – разве опять примусь [за] рецензии, тогда поневоле прочту и буду хвалиться этим, как подвигом» [14, т. 1, с. 634]. По поводу смены восхищения на более трезвое чувство Чернышевский здесь же рассуждает: «Что следует из судьбы, постигшей в моей жизни сначала “Монастырку”, а потом не сжалившейся и над красотами “Обломова”? Только то, что мой вкус, благодаря отчасти ходу органического моего развития от ребячества к совершеннолетию, отчасти расширению моих средств удовлетворять ему, стал тоньше, разборчивее» [14, т. 1]. Впечатлением от чтения двух гончаровских романов критик определял, как видим, собственное профессиональное «совершеннолетие» и «разборчивость» вкуса.

Сославшись на признание Чернышевского в «Автобиографии» и ряд других, Б. Ф. Егоров предположил, что единственной его реакцией на «Обломова» была небольшая остроумная пародия, включенная в рецензию на книгу Н. Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии», опу-

бликованную в № 6 «Современника» за 1860 г. [6]. Завершающая рецензию миниатюра о ленивом барине, висящем во всех грехах своего слугу, «неряху, лентяя, сонливца», мелочно детализированная, избыточно затянутая в повествовании, несомненно метила в Гончарова.

Книгу Готорна, признанную им полной неудачей автора, несмотря на его талант, Чернышевский сознательно выбрал как повод для разговора о современной русской беллетристике – разговора осторожного, без раскрытия конкретных имен. В тексте рецензии он дважды повторяет: «Готорн написал для детей плоховатую книжку. Но нам вздумалось произвести вивисекцию этой книжки на пользу и назидание нашим собственным авторам так называемых художественных произведений...»; «Мы затем только и взялись за книжку Готорна, чтобы побеседовать с нашими художниками, с нашими лучшими беллетристами» [14, т. 7, с. 441, 452]. Главным адресатом назидательной «беседы» критика стал именно Гончаров. И не только миниатюра о ленивом барине, замеченная Б. Ф. Егоровым, пародировала в рецензии «Обломова». Ей предшествовал иронический пересказ отрывка из будущего романа «Обрыв», опубликованного в № 2 «Современника» за 1860 г. под заглавием «Софья Николаевна Беловодова» [3], что ни в комментариях к рецензии, ни в статье Б. Ф. Егорова не отмечено.

В переложениях греческих мифов, предпринятых Готорном, Чернышевский выделил два важнейших недостатка – стремление автора переделывать оригиналы «из безнравственных в нравственные» [14, т. 7, с. 450] и ложное понимание «художествен-

---

ности». Готорн, перелагая мифы, по словам Чернышевского, «придает им художественность», состоящую в том, что «в подлиннике миф рассказан на двух страничках, он растягивает его на пятьдесят страниц. Если в мифе сказано “поле”, он размалевывает, что на этом поле растет трава, и какая трава, и как приятно смотреть на траву <...>. Это размазывание и растягивание чрезвычайно украшает рассказываемую историю, – по крайней мере, так думает Готорн». После этих замечаний критик обращается к тому же явлению в отечественной беллетристике: «Нам было бы мало убытка, если бы так думал и делал только Готорн. Но на беду припоминается нам одно из прекраснейших произведений отечественной литературы. Недавно мы читали на целых тридцати или пятидесяти страницах очень милое развитие следующего положения: беседует молодой человек с молодой дамой; он говорит: “вам скучно”, она говорит: “нет”; он возражает: “нет, вам скучно, потому что вы не живете, вы не наслаждаетесь жизнью”». «...Предмет разговора прекрасный, – рассуждает критик, – но, вероятно, <...> и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Гоголя такая сцена никак не заняла бы более двух страниц, и все было бы высказано на этих двух страницах: и характеры разговаривающих обрисованы очень рельефно, и с полной живостью высказаны все мысли, которыми обменивались разговаривающие». Но автор, которого имеет в виду Чернышевский, поступает иначе: «Растягивай, размазывай, повторяй, тверди одно и то же по двадцати раз, все с новыми (очень грациозными) вариациями, переливами красок, модуляциями мыслей, оттенками чувства» [14, т. 7, с. 450–451].

Очевидно, что речь здесь идет о диалогах Бориса Райского с Софьей Беловодовой, о его многократных и разнообразных попытках «оживить статую», занявших и в окончательном тексте «Обрыва» несколько глав. Напомним: Райский «сгорал желанием <...> определить, что кроется под этой покойной, неподвижной оболочкой красоты, сияющей ровно, одинаково, никогда не бросавшей ни на что быстрого, жаждающего, огненного или, наконец, скучного, утомленного взгляда...» [2, т. 7, с. 20–21]. После многодневных словесных провокаций, которые оставляют Беловодову равнодушной, герой восклицает: «Чем и как живет эта женщина! <...> отчего она не скучает, не томится жизнью... как скучаю и томлюсь я?» [2, т. 7, с. 37].

Странно только, что диалоги Райского Беловодовой Чернышевский рассматривает как часть «одного из прекраснейших произведений отечественной литературы», а это определение в его рецензии может быть отнесено только к «Обломову». И заметим: то, что роман – «прекраснейшее произведение», не ставится под сомнение, никакой скрытой иронии в этом утверждении нет. К тексту романа критик и обращается буквально в следующем абзаце, «не сжалившись» над его «красотами»: «У нас, например, если герой надевает туфли, надевание занимает, по крайней мере, полторы страницы, а надевает он их раз десять, и каждый раз у нас достанет искусства написать об этом по полторы страницы: вот уж подлинно художественность <...>. Прекрасно, только искусство ваше несколько напоминает процесс, совершаемый за обедом беззубыми стариками: у кого зубы хорошие, сразу раскусывает ку-

---

сок, а беззубый бедняжка жует, жует его, мямлет, мямлет, так что дивишься только: как это, господи, достает у человека терпения. По-нашему, уж и не берись за такой кусок, которого сразу не раскусишь. – Зато художественно, зато талант виден» [14, т. 7, с. 451].

И еще одного «художественного» мотива в «Обломове» не пощадил Чернышевский: «Если, например, девушка попадается нам в руки, мы ее всю по ниточке размочалим: “она была очень грациозна”, – и напишем страницу, как она была грациозна...» [14, т. 7]. «Грация и гармония» – лейтмотивы подробных описаний внешности Ольги Ильинской в романе Гончарова. И только после саркастических замечаний о диалогах неназванных Райского с Софьей и о «грациозности» неназванной Ольги Ильинской следует у Чернышевского выразительная миниатюра, отмеченная Б. Ф. Егоровым, пародирующая ситуацию накануне свидания Обломова с Ольгой.

«Хотите ли образчик нашей художественности? – вот он. Положим, молодой человек идет в сад, чтобы встретить там любимую девушку и сказать ей, что любит ее. По вашему нехудожественному рассуждению дело и состоит в том, чтобы рассказать встречу их. Нет, позвольте... По нашему мнению, очень интересна была минута, когда герой причесывал голову.

Вот и галстух повязан. Иван Андреевич сел перед маленьким столиком орехового дерева, слегка растреснувшимся посередине. “Вот она, неопрятность холостой жизни, – подумал он. Федор не догадается, что надобно бы столик отодвинуть от окна в простенок: вон как его перекороби-

ло солнцем”. Иван Андреевич взял в руки гребень и осмотрел его; один зуб расщепился: “тоже никому нет дела присмотреть, что гребень уже не годится: то ли дело, когда дом озарен и оживлен присутствием милой женщины; при ней не будешь держать себя неряхой; при ней и Федор был бы расторопней”. Он взглянул в зеркало, стоявшее на столике. Оно было в овальной рамке красного дерева старинного фасона с бронзовыми украшениями и инкрустацией: “что за безвкусица – на ореховом столике зеркало красного дерева. Неряха, лентяй, сонливец...” Он с упреком взглянул на лицо, отражавшееся перед ним в зеркале. Живая мысль уже светлелась на этом лице, которое неделю тому назад помнилось ему таким вялым, таким сонным» [14, т. 7, с. 450]. На этом пародийный пассаж не завершается, дальше идет рассказ о том, как герой «сладко медлит», «с какой-то негой» касается гребнем волос и, заметив в них первую седину, погружается в элегическую задумчивость и воспоминания детства. Приговор Чернышевского строг: «Это разведение водою – художественность? <...> Сущность поэзии в том, чтобы концентрировать содержание; разведение водой убивает ее» [14, т. 7, с. 451]. Заметим, что эпизод, в котором Обломов готовится к свиданию с Ольгой, находится примерно на той «границе», которая была Чернышевским обозначена в «Автобиографии»: «...я прочел полторы из четырех частей “Обломова”...».

Критической статьи об «Обломове» Чернышевский так и не написал. И в рецензии на книгу Готорна дан, казалось бы, исчерпывающий ответ на вопрос, почему он

этого не сделал. Но есть и еще один текст, поясняющий ситуацию с ненаписанной рецензией. Это повесть «История одной девушки», созданная Чернышевским в 1871 г. Именно из нее заимствуется та единственная цитата, о которой говорилось выше: Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал». Повесть Чернышевским окончена не была и при жизни не публиковалась. Впервые под заглавием «Тихий голос» она увидела свет в X томе его Полного собрания сочинений, изданного в 1906 г. Более того, процитированная реплика содержалась в рамочной части повести, от которой Чернышевский отказался, целиком эту часть вычеркнув и сохранив лишь основной текст «Истории одной девушки» – написанный от первого лица рассказ-исповедь главной героини [14, т. 13, с. 356–456]. Рамочная (зачеркнутая) часть повести, помещенная публикаторами в раздел «Приложения» [14, т. 13, с. 864–875], представляет в данном случае особый интерес. В этой полемической части, оформленной в жанровой традиции «литературного вечера», точнее, трех вечеров, на которых вслух читается и обсуждается рукопись «Истории одной девушки», звучат голоса нескольких участников литературной дискуссии – безымянных хозяина и хозяйки дома, сестры хозяйки и «нестарого человека с черной бородой». Два основных полемиста в этой части – «молодой человек в золотых очках» по фамилии Благодатский и его оппонент, романист Онуфриев. За ними стоят, как следует из текста и как указывают его комментаторы А. П. Скафтымов и А. Гуральник, Добролюбов и Гончаров: «Под именами Благодатского и писателя

Онуфриева Чернышевский изобразил Добролюбова и Гончарова. Из данного отрывка видно, что мировоззрение Гончарова, умеренного либерала, было органически чуждо вождю революционной демократии» [14, т. 13, с. 903].

Специалистами по творчеству Гончарова этот диалог критика и романиста до сих пор, как это ни странно, остался не учтен и не изучен [4]. Причину этому можно видеть в до сих пор непроясненных обстоятельствах, связанных с репутацией Гончарова, которая определялась далеко не только негативным отношением к его цензорской службе.

Какой предстает эта репутация в оценках Чернышевского? Резко негативные отзывы о Гончарове содержатся в его письмах. Например, в письме к А. С. Зеленому от 26 сентября 1856 г., делясь с ним воспоминаниями о Белинском, переданными «со слов Некрасова», поскольку сам он «не имел счастья видеть его», критик сообщал: «Некрасов боготворит его <Белинского> память, Тургенев также. Вообще из людей, участвующих в петерб. журнал., даже те, которые не любят его (по личным отношениям), не имеют сказать о нем ничего, кроме похвал (исключение остается за Булгариным, Дружининым и Гончаровым)» [14, т. 14, с. 320]. Некрасову Чернышевский писал 5 ноября 1856 г.: «...в холодности Вам не следует упрекать себя. <...> Это все равно, что Дружинина упрекать в пылкости или Гончарова в избытке благородства» [14, т. 14, с. 324].

Свое отношение к романисту, изображенному в «Истории одной девушки» под именем Онуфриева, Чернышевский и попытался, видимо, объяснить в неизданной повести.

В течение двух вечеров дневник-исповедь «одной девушки», Лизы Свилиной, живущей в провинциальной глуши, в городе, в котором легко угадывается Саратов, читает «молодой человек в золотых очках» – Благодатский, то есть Добролюбов. Третий вечер проходит в спорах. Сам дневник ограничен временем с 1848 по 1855 г., события неяркой, вполне «обыкновенной», но трагической истории Лизы датируются, и делается это без сильных акцентов, но последовательно – речь идет об известном семилетии, названном в повести «эпохой безнадежной летаргии общества» [14, т. 13, с. 399]. Социальный диагноз собственной жизненной ситуации в тексте дневника ставит сама Лиза Свилина: «Жалка судьба девушки нашего круга, когда она становится развитым человеком. Она лишается всякой вероятности счастья. Ей нет хода вперед. Она остается привязана к той мелкой, скудной, неподвижной жизни, в которой прозябают люди, обранные обществом» [14, т. 13, с. 393]. Пережив самоубийство спившегося Лачинова, типичного «лишнего человека», однако того «единственного», кто мог бы соответствовать ее идеалам и «развитию», и отвергая брак без любви как отжившую и пошлую общественную условность, Лиза остается одна. И в этой ситуации Чернышевский подробно, с вызывающей прямоотой и «медицинской» жесткостью диагноста исследует мотив, который выступает в повести на первый план, отодвигая на второй проблему «лишних людей» и провинциальных «хлыщей». Автор ставит вопрос о правде и лицемерии в истолковании «нравственного» и «безнравственного» и о допустимых границах изображения

последнего, тот вопрос, вокруг которого и развернется позднее дискуссия. Одиночество становится для Лизы проблемой не только духовной, но и физической – она заболевает, и в дневнике открыто названа причина ее нервных срывов, пароксизмов, наконец, тяжелой каталепсии: это физиологически не утоленная «кипящая страсть», муки из-за фантазий, фантомов, «эротических картин» [14, т. 13, с. 431, 452]. На этом обрывается дневник, он остается неоконченным, поскольку его автор «боится осуждения в безнравственности». Историю девушки в последний вечер досказывает хозяйка литературной гостиной: героиня дневника решается в итоге на свободные отношения, уже не в провинции, но в Петербурге, с одним из тех новых людей, с которыми она сближается. Ее избранник ее оставляет, но он оказывается не единственным, от разных связей рождаются дети, героиня мучительно переживает осуждение и неприятие ее образа жизни окружающими, однако с течением времени родственники смиряются с ее жизненной ситуацией.

Такова «история девушки», прочитанная вслух Благодатским-Добролюбовым и спровоцировавшая его полемику с Онуфриевым-Гончаровым. Как выстраивает Чернышевский этот диалог? В конце второго вечера после завершения чтения дневника Онуфриев интересуется женщиной, написавшей повесть-исповедь: «Какова лицом, молода?». Хозяйка литературной гостиной предлагает ему, автору «романов, которые все хвалят», дописать повесть. Романист отказывается, ссылаясь на то, что повесть написана слишком «рассудительно и хозяйственно. Любовь, увлечение, поэзия – этим

извиняются ошибки женщины; но тут нет ничего подобного. Болезнь и предписание медика не дают нравственного оправдания развязке, которую легко предвидеть». «Я не думала, что вы такой моралист, Онуфриев, – говорит хозяйка. – Если вы так строг, зачем же вы пишете романы? Пишите проповеди». После ухода Онуфриева она обращается к Благодатскому: «Благодатский, зачем вы расхваливали его последний роман? – Я читала: скучно. Я думала: верно, не понимаю. Но вот поговорила с вами и вижу: он глуп. Вы виноват, Благодатский: зачем хвалили его...» [14, т. 13, с. 865–866].

В дискуссии третьего вечера основную линию спора ведут Благодатский и Онуфриев. Первый сочувствует девушке, второй возражает: «Она <...> бросилась в объятия мужчины не по увлечению, а от физического страдания и страха смерти? – <...> прекрасный мотив! он совершенно оправдывает ее». Благодатский замечает, что девушка не нуждается в оправдании. В ответ на это его оппонент провозглашает, что высказывает не свое личное мнение, а выступает «как представитель общественной нравственности». Эта реплика Онуфриева-Гончарова вызывает общее возмущение, а у Благодатского – иронию по поводу «морали» у писателей «с ретроградными тенденциями». «Вы причисляете меня к ним? – удивляется Онуфриев. – Но кто же хвалил мой роман?» [14, т. 13, с. 872].

Далее Чернышевский предоставляет слово Добролюбову для разъяснения в ответном монологе его понимания задач критики. «Не в первый и не в последний раз, – производит Благодатский, – я выставлю

в произведениях нашей литературы мысли, которых не было в головах авторов. Что же делать? – обязанность критики – объяснять произведение людям, которые не понимают его, и не вина критика, если в число этих людей попадает иногда и автор. Не каждый умеет написать то, что хочет; иной, например, восхищается лежанием на боку; разберешь его панегирик заспанному ленивцу, и публика, и сам он увидит, что тунеядство и сон не особенная добродетель; довольно этого; критик не обязан угощать публику своими соображениями о лице автора и домашними дрызгами о том, что *автор не понимал смысла картин, которые изображал*» [14, т. 13, с. 872; курсив наш. – А. Г.]. К последней фразе Чернышевский делает под строкой многозначительное примечание: «Само собою, это место, относящееся к Обломову и статье Добролюбова о нем, должно выбросить, если автор Обломова ведет себя честно» [14, т. 13]. Этот разоблачительный выпад и явился, судя по всему, главной причиной, препятствовавшей обращению к «Истории одной девушки» исследователей творчества Гончарова. Повторим – до сегодняшнего дня остается неясным, что имел в виду Чернышевский в реплике о «честном» поведении автора «Обломова».

На монолог Благодатского Добролюбова Онуфриев-Гончаров реагирует следующим образом: «Вы напрасно свели вопрос на личные отношения. Я всегда скажу, что мой роман обязан вашему разбору частью своего успеха. Я вовсе не хотел входить в отвлеченные вопросы...» [14, т. 13, с. 872–873]. Дальнейший диалог критика и романиста, несмотря на протесты последнего, целиком сводится «на личные отношения». «...Вы не выста-

---

вите ее историю за пример для подражания?» – спрашивает Благодатского Онуфриев. «Так же мало, как и вашу жизнь, М-г Онуфриев, – отвечает за критика сестра хозяйки салона; – если не ошибаюсь, вы не женат?». Оправдываясь, романист замечает, что «то, что прощается обществом мужчине, не прощается девушке», в ответ на что слышит, что девушке не простили бы отношения «и в тысячу раз более скромные и благородные, чем ваши». «Кто сочиняет нравственность для других, а не для себя, тот сочиняет плохую нравственность» – так звучит итоговая реплика в полемике [14, т. 13, с. 874].

В созданной ситуации прямого диалога между Добролюбовым и Гончаровым Чернышевский не случайно дает «высказаться» Добролюбову, солидаризируясь с его позицией. Очевидно, что рецензия на «Обломова» осталась ненаписанной и потому, что основные критические положения Чернышевский признал уже сформулированными в известной статье Добролюбова «Что такое обломовщина?».

Однако в истории ненаписанной рецензии на этом рано ставить точку. Если, по словам критика Благодатского, объединившего в одном лице Добролюбова и Чернышевского, Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал», то не обнаруживаются ли в романе «Что делать?» пояснения к «картинам» писателя, им «не понятым»? Неосуществленный критический замысел мог быть в значительной степени реализован Чернышевским в романе: аллюзии на «Обломова» внутри сложной структуры романного палимпсеста достаточно определены и узнаваемы.

Укажем те из них, которые были ранее отмечены. М. В. Теплинский обратил внимание на то, что размышления автора «Что делать?» об «условиях художественности» в черновой редакции романа были связаны с центральным персонажем «Обломова»: «...разве нужно было выводить особенного человека затем, чтоб он сказал свое мнение о действующих лицах? <...> у меня все-таки побольше смысла в голове и побольше понимания условий художественности. Я так не сделаю, чтоб родить на свет божий дармоеда только затем, чтоб он говорил» [15, с. 596; 13, с. 68]. Чернышевский здесь, продолжая тему художественности, поднятую в рецензии на книгу Готорна, поясняет в беседе с «проницательным читателем» художественные функции своих персонажей («Ну, скажи же теперь, проницательный читатель, зачем выведен Рахметов...» [15, с. 595]), и делает это на антитетическом фоне неназванного героя-«дармоеда».

По мнению Ю. М. Лощица, свою героиню Чернышевский едва ли случайно «поселил» на Гороховой улице, то есть на той же улице, где в разнообразных «позах лежання» проходила жизнь Ильи Ильича. Гороховая улица, упомянутая, как и в «Обломове», в начале романа, таким образом, маркирует территорию полемики Чернышевского с Гончаровым: «...героине романа-утопии Чернышевского тоже будут сняться сны-мечты. Но обращенные не в прошлое, не к идиллической обстановке помещичьего быта, а в совершенно противоположную сторону...» [7, с. 190]. Футурологические видения Веры Павловны стали, по мнению Ю. М. Лощица, полемиче-

---

ским ответом Чернышевского на «Сон Обломова». С этой мыслью можно согласиться, можно ее и дополнить: *сны* видит и Ольга Ильинская, и оппозитивность снов Веры Павловны ее визионерским грезам, а не только сну Обломова представляется не менее очевидной. Сновидения Ольги чрезвычайно выразительны как с точки зрения поэтики сна у Гончарова (в целом малоизученной), так и с точки зрения авторской аксиологии, недвусмысленно явленной именно в этих *снах*, зеркально соотносенных со *сном* Обломова. Первый сон Ольги – «сон счастья» после объяснения со Штольцем, поданный в «мирном», «сонном» пейзаже, тонко и избирательно дублирующем пейзаж Обломовки [2, т. 4, с. 423]. Второй сон – «грозный сон», в котором главными и равноценными, что стоит подчеркнуть, угрозами будущей «жизненной пытки», тревожащей воображение Ольги, выступают «горе и труд» [2, т. 4, с. 462–463]. Особенно содержателен в этой понятийной паре, разумеется, *труд*. Несложно допустить, что апология *дела* в монологах героини романа с программным названием «Что делать?», остро ставившим именно «женский вопрос», могла быть, помимо прочего, и полемическим ответом на *сны* героини «Обломова», которую страшат «горе и труд», «грозная» перспектива «отречения от рождающихся в праздности прихотей».

И еще одну возможную отсылку к тексту «Обломова» необходимо учесть. Л. С. Гейро, комментируя строки в похвальном слове Штольца Обломову: «...таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!» [2, т. 4, с. 467], предположила, что именно гимну обломовскому

сердцу, произнесенному Штольцем, Чернышевский противопоставил характеристику «особенного человека» Рахметова: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; <...> это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» [15, с. 215; 1, с. 678]. Помня, что Чернышевский имел в виду оппозицию «особенного человека» – «дармоеду», отметим и то, что пассаж о «перлах в толпе» Добролюбов процитировал в статье «Что такое обломовщина?», заметив о нем: «Распространяться об этом пассаже мы не станем; но каждый из читателей заметит, что в нем заключена большая неправда. <...> Грязь к нему не пристанет! Да пока лежит один, так еще ничего; а как придет Тарантьев, Затертый, Иван Матвееч – бррр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объедают, опивают, спаивают, берут с него фальшивый вексель <...>, разоряют его именем мужиков, дерут с него немилосердные деньги ни за что ни про что. Он все это терпит безмолвно и потому, разумеется, не издает ни одного фальшивого звука. Нет, нельзя так льстить живым, а мы еще живы, мы еще по-прежнему Обломовы» [12, с. 63–64].

К отмеченным выше добавим и еще несколько наблюдений. Допуская известное упрощение, можно сказать, что Чернышевский воспроизводит в своем романе фабульную схему «Обломова»: Вера Павловна Розальская-Лопухова-Кирсанова, полюбив одного из двух друзей (и выйдя за него замуж), позднее соединяет жизнь со вторым. Однако и Лопухов, явившись из Англии преуспевающим Бьюмонтом, находит счастье с Катей Полозовой. В итоге

в романе счастливы обе супружеские пары, как счастливы (в ином, разумеется, осмыслении) две супружеские пары в «Обломове».

Поразительно приближенным к ситуации в «Обломове» и едва ли случайно дублирующим загадочное «томление» Ольги Ильинской в конце романа представляется возникающее в безоблачно-счастливом втором браке Веры Павловны непонятное ей поначалу и необъяснимое *недовольство*: «Не очень часто вспоминает Вера Павловна прошлое своей нынешней любви; да, в настоящем так много жизни, что остается мало времени для воспоминаний. Но когда вспоминает она прошлое <...> при каждом воспоминании она чувствует недовольство, сначала слабое, мимолетное, неопределенное, – кем? чем? – вот уж ей становится видно, кем: она недовольна собою, за что же? <...> Если бы она по-прежнему жила больше одна, думала одна, вероятно, не так скоро прояснилось бы это; но ведь теперь она постоянно с мужем, они все думают вместе, и мысль о нем примешана ко всем ее мыслям». Загадку странного «недовольства» Кирсанов неспособен разъяснить: «...пока чувство было темно для нее, для него оно было еще темнее; ему трудно было даже понять, как это возможно иметь недовольство, несколько не омрачающее личного довольства, несколько не относящееся ни к чему личному. Это было для него странностью, во сто раз более темною, чем для нее» [15, с. 256].

Сравним в тексте «Обломова» сказанное об Ольге: «...к ней нет-нет да подкрадется сначала греза счастья <...>, а затем... смущение, боязнь, *томление, какая-то глухая грусть*, послышатся какие-то смутные, ту-

манные вопросы в беспокойной голове. Ольга чутко прислушивалась, пыталась себя, но ничего не выпытала, не могла добиться, чего по временам просит, чего ищет душа, а только просит и ищет чего-то, даже будто – страшно сказать – *тоскует*, будто ей мало было счастливой жизни, будто она уставала от нее и требовала еще новых, небывалых явлений, заглядывала дальше вперед... <...> Она знала, у кого спросить об этих тревогах, и нашла бы ответ, но какой? [2, т. 4, с. 456; курсив наш. – А. Г.]

В полемике, надо полагать, с Гончаровым, чьей героине ее странное состояние разъясняет Штольц, Чернышевский предлагает собственный рецепт, призванный излечить Веру Павловну от недуга. Если смысл «картины» у Гончарова остался автором «не понят», то у Чернышевского он конкретен и ясен. Помимо швейных мастерских, Вера Павловна начинает вслед за мужем заниматься медициной и, преуспев в этом, от «недовольства» излечивается. Замечателен по-своему и, возможно, введен Чернышевским в текст романа как аллюзия на сцену из гончаровского романа (где Штольц вместе с Ольгой размышляет о том, что они «не титаны»), диалог Веры Павловны с Кирсановым, в котором ведущая партия в разъяснении «тайны жизни» принадлежит не учителю-мужчине, как у Гончарова, но женщине: «Рахметовы – это другая порода; они сливаются с общим делом так, что оно для них необходимость, наполняющая их жизнь; для них оно даже заменяет личную жизнь. А нам, Саша, недоступно это. *Мы не орлы*, как он. Нам необходима только личная жизнь. Мастерская – разве это моя личная жизнь? Это дело – не мое

дело, чужое. <...> Нет, нужно личное дело, необходимое дело, от которого зависела бы собственная жизнь <...>. Я хочу такого дела» [15, с. 261; курсив наш. – А. Г.].

Ситуацию «недовольства» главной героини в «Что делать?» есть все основания рассматривать как полемически развернутую относительно финальных глав «Обломова». При этом в обоих случаях сюжетная коллизия «недовольства» реминисцентна по отношению к финалу «Новой Элоизы» Руссо [5]. Своеобразное «рецензирование» «Обломова» Чернышевский, как можно заключить, осуществил в тексте собственного романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейро Л. С. Примечания // Гончаров И. А. Обломов : роман в 4 ч. / изд. подгот. Л. С. Гейро. – Л. : Наука, 1987. – С. 650–692.
2. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – СПб. : Наука, 1997–2014. – Т. 1–10.
3. Гончаров И. А. Софья Николаевна Беловодова (Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского») // Современник. – 1860. – № 2. – С. 409–454.
4. Гродецкая А. Г. О рецензии на «Обломова», не написанной Чернышевским // Обломов: константы и переменные : сб. науч. статей. – СПб. : Нестор-История, 2011. – С. 148–153.
5. Гродецкая А. Г. Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» // Филологические записки. – Воронеж, 2012–2013. – Вып. 31. – С. 39–50.
6. Егоров Б. Ф. Кого пародировал Н. Г. Чернышевский в рецензии на книгу Н. Готорна? // Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв. – М. ; Л. : Наука, 1958. – С. 321–322.
7. Лощиц Ю. М. Гончаров. – М. : Молодая гвардия, 1977. – 352 с.
8. Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров – оппонент романа «Что делать?» // И. А. Гончаров : мат. Междунар. науч. конференции. – Ульяновск, 2003. – С. 231–244.
9. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. – СПб. : СПбГУ, 1994. – 169 с.
10. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. – М. ; Л. : Наука, 1962. – 230 с.
11. Пруцков Н. И. Романы Гончарова. «Обломов» // История русского романа : в 2 т. – М. ; Л. : АН СССР, 1962. – Т. 1. – С. 536–559.
12. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике : сб. статей / сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. В. Отрадин. – Л. : ЛГУ, 1991. – 304 с.
13. Теплинский М. В. Литературные реминисценции в романе «Что делать?» // Н. Г. Чернышевский: статьи, исследования и материалы : межвуз. науч. сборник. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – Вып. 11. – С. 67–78.
14. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. – М. : Гослитиздат, 1939–1950.
15. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / изд. подгот. Т. И. Орнатская, С. А. Рейсер. – Л. : Наука, 1975. – 872 с.

Гродецкая Анна Глебовна, канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник, ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»: Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

Тел.: (812) 325-10-22
E-mail: grodetskaiaag@mail.ru

**THE REVIEW OF “OBLOMOV”
THAT N. G. CHERNYSHEVSKY NEVER WROTE**

Grodetskaya Anna Glebovna, Cand. of Philol. Sci., senior researcher, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, Russia.

Keywords: *Russian literature of the XIX cent., criticism, Goncharov, “Oblomov”, Chernyshevsky, “What Is to Be Done?”, “The Story of a Girl”.*

The article addresses the critical reaction of Chernyshevsky to Goncharov’s novel. The phenomenon of the “unwritten review” is clarified in several sources that polemicize on “Oblomov” and its author. Among them is the review of the “Wonder-Book...” by Nathaniel

Hawthorne (1860) with passages that parody certain motifs and plot twists from Goncharov’s novel, and a short story “The Story of a Girl” (1871) that contains a speculative dialogue between Dobrolyubov and Goncharov involving little-known aspects of the personal and social reputation of the novelist. Finally, the novel “What Is to Be Done?” contains a number of references to Goncharov’s novel. The article proves that the unfulfilled critical design was in fact largely fulfilled by Chernyshevsky in his book. The specific features of his “review” of “Oblomov” is manifested in a complex set of ideologically aesthetical and reputation-psychological components.